

доказательств, то вспомните прежде всего, что ребята, женщины, старики и юродивые особенно любят церковные обряды и постоянно становятся всех ближе к алтарю, покорные велениям своей природы. Во-первых, позвольте спросить: кто такие были основатели христианства? Люди удивительно простодушные, жестокие враги всякой учености. Засим, среди глупцов всякого рода наиболее безумными кажутся те, кого воодушевляет христианское благочестие. Они расточают свое имущество, не обращают внимания на обиды, позволяют себя обманывать, не знают различия между друзьями и врагами, в ужасе бегут от наслаждений, предаются постам, бдениям, трудам, презирают жизнь и стремятся единственно к смерти, коротко говоря, – во всем действуют наперекор здравому смыслу, словно душа их обитает не в теле, но где-то в ином месте. Что ж это такое, если не помешательство? Удивляться ли после того, что апостолов принимали порою за пьяных и что Павел показался безумным судье Фесту. Но поскольку я уж начала рассуждать, то продолжу и докажу вам, что блаженство, которого христиане стараются достигнуть ценою стольких мучений и трудов, есть не иное что, как некая разновидность безумия. Не гневайтесь на мои слова и лучше постарайтесь уразуметь их.

Во-первых, христиане согласны с учениками Платона в том, что душа человеческая скована цепями тела, увязла в нем, словно в грязи, и именно поэтому не способна постигнуть истину и насладиться ею. Сам Платон определил философию как размышление о смерти, ибо подобно этой последней философия поднимает душу над видимыми, телесными вещами. Мы привыкли называть человека здоровым, пока душа его должным образом пользуется телесными органами; когда же, порвав свои путы, она пытается обрести свободу и словно замышляет побег из темницы, то мы называем такое состояние помешательством. Если означенные явления вызваны болезнью либо повреждением внутренних органов, никто не усомнится в том, что это безумие. И, однако, мы видим, что люди, охваченные подобным безумием, предсказывают будущее, знают чужеземные языки и науки, которых никогда прежде не изучали, и вообще представляются во многих отношениях существами как бы божественными. Все это, без сомнения, приходится объяснять тем, что душа, частично освобожденная от власти тела, проявляет свою природную силу. Здесь же, как я полагаю, таится и причина того, что умирающие, как бы вдохновленные божественным дуновением, изрекают порой поразительные вещи. Если благочестие и не вполне совпадает с вышеописанной разновидностью безумия, то все же столь близко с нею соприкасается, что большинство людей почитает набожность простым помешательством, особенно когда видит тех немногих, которые всей своей жизнью столь резко отличаются от прочих смертных. Сходным образом в известной аллегории Платона люди, сидящие скованными в пещере, созерцают только тени и подобия вещей. Один из узников выбегает наружу, видит самые вещи и, воротившись обратно в пещеру, начинает убеждать остальных, что они заблуждаются и ничего не знают, кроме теней. Мудрец скорбит об их безумии, ибо они упорно держатся за свою ошибку, а они в свой черед издеваются над ним, как над помешанным, и изгоняют его. Вот точно так же люди, занятые одними телесными вещами, склонны думать, что ничего другого не существует. Напротив, благочестивые праведники презирают все, имеющее отношение к телу, и стремятся лишь к созерцанию невидимого мира. Первые больше всего помышляют о собирании богатств, затем – об удовлетворении своих телесных нужд и лишь в самую последнюю очередь – о своей душе, если только вообще допускают ее существование, веря лишь в то, что доступно глазу. Вторые поступают как раз наоборот: прежде всего думают о боге, субстанции простейшей и неизменной, затем помышляют о своей душе, которая всего ближе к божеству, но не желают заботиться о теле, презирают деньги, словно мякину, и, едва завидев их, обращаются в бегство. Если иногда, по необходимости, им приходится заниматься житейскими делами, они едва справляются с отвращением, относясь к своей собственности так, точно она не принадлежит им вовсе. Даже в малых вещах разительно сказывается различие между людьми, живущими по уставам мира сего, и благочестивыми праведниками.

Хотя все чувственные способности зависят от тела, есть между ними такие, которые кажутся грубее других. Таковы осязание, слух, зрение, обоняние, вкус. Другие – гораздо более независимы, например, память, рассудок, воля. Праведники, со всею силою души устремляясь к тому, что не имеет ничего общего с внешним миром, становятся тупыми и бесчувственными к телесным впечатлениям. И, напротив, заурядные люди наибольшее значение придают внешним чувствам и наименьшее – внутренним. Этим объясняется, между прочим, и то, что многие святые мужи, случалось, пили вместо вина масло. Среди страстей и душевных чувствований есть также такие, которые кажутся особенно телесными, как, например, плотское вожделение, голод, сонливость, гнев,